

DOI: <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1>**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ И РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ У ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ**

Научная статья

Абросимов И.Н.^{1,*}, Марцинкевич Е.С.²¹ORCID : 0000-0003-1981-4170;^{1,2}Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (i.abrosimov[at]bk.ru)

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей восприятия родительского отношения и ранних дезадаптивных схем у женщин, подвергшихся домашнему насилию, а также их копинг-поведения и локуса контроля. В исследовании приняли участие 50 женщин в возрасте 25-45: сравнивались группы женщин, имеющих и не имеющих опыт систематического домашнего насилия со стороны партнера. Применялись психодиагностические методики: Опросник отраженного родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин, 2001; модификация Е. В. Романова, М. В. Галимзянова); Опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем» (YSQ-S3R, Дж. Янг, адаптация П. М. Касьяник, Е. В. Романова, 2013); Методика для психологической диагностики копинг-механизмов (Э. Хайм, адаптация Л. И. Вассерман, 2003); Опросник «Диагностика уровня субъективного контроля» (Дж. Роттер, адаптация Бажина Е. Ф., Голынкиной С. А., Эткинда А. М., 1984). Опрос респондентов проводился очно и с помощью применения дистанционных интернет-технологий. Было установлено, что женщины, подвергшиеся домашнему насилию, воспринимают отношение родителей как эмоционально-холодное, отстраненное и инфантилизирующее их в детстве. В данной группе женщин выражены ранние дезадаптивные схемы покинутости, недоверия, социальной отчужденности, дефективности, неуспешности, зависимости, уязвимости, привилегированности, поиска одобрения и негативизма. Их копинг-поведение отличается преобладанием непродуктивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий, а локус контроля можно охарактеризовать как экстернальный. Указанные особенности могут быть учтены при дальнейших исследованиях и рассмотрены в качестве мишеней психодиагностической и психокоррекционной работы по профилактике домашнего насилия и реабилитации его жертв.

Ключевые слова: домашнее насилие, восприятие отношения родителей, неблагоприятный детский опыт, ранние дезадаптивные схемы, копинг-поведение, локус контроля.

SPECIFICS OF PERCEPTION OF PARENTAL ATTITUDES AND EARLY MALADAPTIVE SCHEMES IN WOMEN WITH EXPERIENCE OF DOMESTIC VIOLENCE

Research article

Abrosimov I.N.^{1,*}, Martinskevich Y.S.²¹ORCID : 0000-0003-1981-4170;^{1,2}Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (i.abrosimov[at]bk.ru)

Abstract

The article presents the results of a study of the specifics of perception of parental attitudes and early maladaptive schemes in women who have been subjected to domestic violence, as well as their coping behaviour and locus of control. The study involved 50 women aged 25-45: groups of women with and without experience of systematic domestic violence by a partner were compared. Psychodiagnostic techniques were used: the Reflected Parental Attitude Questionnaire (A. Y. Varga, V. V. Stoln, 2001; modified by E. V. Romanova, M. V. Galimzyanova); the questionnaire "Young Schema Questionnaire" (YSQ-S3R, J. Young, adaptation of P. M. Kasyanik, E. V. Romanova, 2013); the methodology for psychological diagnostics of coping mechanisms (E. Heim, adapted by L. I. Wasserman, 2003); the questionnaire "Diagnosis of the level of subjective control" (J. Rotter, adaptation of E. F. Bazhin, S. A. Golyunkina, A. M. Etkind, 1984). The respondents were interviewed in person and by means of remote Internet technologies. It was found that women subjected to domestic violence perceive their parents' attitude as emotionally cold, aloof and infantilizing them in childhood. Early maladaptive patterns of abandonment, mistrust, social alienation, defectiveness, failure, dependence, vulnerability, privilege, approval seeking and negativism are expressed in this group of women. Their coping behaviour is characterized by the prevalence of unproductive cognitive, emotional and behavioural strategies, and their locus of control can be described as externalized. These features can be taken into account in further research and regarded as targets for psychodiagnostic and psychocorrectional work to prevent domestic violence and rehabilitate its victims.

Keywords: domestic violence, perceptions of parental attitudes, negative childhood experiences, early maladaptive schemes, coping behaviour, locus of control.

Введение

Домашнее насилие можно определить как систематически повторяющиеся акты физического, психологического, сексуального, экономического воздействия на близких людей, которые совершаются против их воли, с целью обретения власти и контроля над ними. Чаще всего его жертвами становятся женщины и несовершеннолетние дети.

Особую остроту приобретает сексуальное насилие, т.к. оно гораздо чаще присутствует в ситуации насилия в семье и обладает повышенной латентностью [6].

Не менее опасным и распространенным видом насилия в семье может быть психологическое насилие. Этот вид домашнего насилия связан с применением словесных и психологических манипуляций, принижением достоинства и самооценки, в виде оскорблений, запугивания, пренебрежительного отношения. Психологическое насилие также может проявляться в виде игнорирования и отрицания психологических потребностей:

- потребности в безопасности;
- потребности в принятии;
- потребности в саморазвитии и самореализации [13].

Тема домашнего насилия в нашей стране исследуется сравнительно недавно [9]. Несистематические исследования посвящены причинам и характеру насилия, а также касаются психологических особенностей жертв насилия, но в научной литературе единичными работами представлены исследования, посвященные психологическим особенностям раннего опыта, повышающего виктимность личности [9]. В связи с этим особый интерес представляет изучение выраженности ранних дезадаптивных схем и восприятия родительского отношения у лиц, подвергшихся домашнему насилию.

В психологической научной литературе достаточно хорошо изучено [4], [14] соотношение между неблагоприятным детским опытом и формированием ранних дезадаптивных схем во взрослом возрасте [14]. Эмоциональное насилие и неглект (игнорирование потребностей ребенка) встречаются как наиболее частые предикторы развития дезадаптивных схем [15]. Также авторами предпринималась попытка установления связей между выраженностью ранних дезадаптивных схем и личностной жертвенной позицией в виде когнитивных (самоотношение к себе как к жертве, установки жертвования своими интересами и потребностями), эмоциональных (переживания брошенности, безвыходности, безысходности) и поведенческих (социальная желательность, умаление собственных интересов ради других) паттернов [1]. Однако на сегодняшний день не были проведены исследования особенностей восприятия родительского воспитания и ранних дезадаптивных схем у людей, фактически столкнувшихся с систематическим насилием в близких отношениях во взрослом возрасте.

Домашнее насилие сопряжено со многими тяжелыми последствиями:

- депрессивное расстройство, при котором характерно стойкое чувство грусти, понижение активности, потеря интереса или удовольствия от большинства обычных занятий;
- стабильное чувство бесполезности или вины;
- фиксированность на прошлых неудачах, самообвинение;
- проблемы с критическим мышлением, концентрацией внимания и принятием решений;
- частые или повторяющиеся мысли о смерти, суицидальные попытки или суицид;
- наиболее частым последствием домашнего насилия является комплексное (осложненное) посттравматическое стрессовое расстройство (кПТСР), которое включает навязчивые мысли и воспоминания о насилии, избегание сигналов, связанных с травмой, когнитивные и аффективные симптомы (самообвинение, самокритичность, ограниченность эмоционального реагирования) и симптомы гипервозбудимости (гипербдительность, преувеличенный «старт-рефлекс») [10].

В качестве возможных предпосылок к формированию виктимности женщин-жертв домашнего насилия могут быть рассмотрены следующие особенности раннего детского опыта:

- нарушение личных границ между членами одной семейной системы;
- игнорирование потребностей и интересов ребенка;
- дефицитарность близких и доверительных отношений со значимыми взрослыми;
- опыт пережитого в детстве насилия.

Современные исследования демонстрируют, что чрезмерная выраженность ранних дезадаптивных схем наблюдается у женщин и мужчин, которые в детстве были лишены удовлетворения базовых психологических потребностей. Ранний опыт общения ребенка со значимыми взрослыми и его чувства в связи с этим опытом образуют особое сочетание убеждений, эмоций, воспоминаний, переживаний и ожиданий, которое определяет характер его привязанностей и межличностного взаимодействия в будущем [4].

Ранняя дезадаптивная схема представляет собой защитный эмоциональный и когнитивный паттерн, который формируется в детстве и повторяется на протяжении всей жизни. Некоторые исследователи отмечают, что именно в детстве человек мог переживать плохое обращение, быть брошенным или отвергнутым и с взрослением ранние дезадаптивные схемы становятся еще более сложными и могут оказывать негативное влияние на разные сферы жизни [12]. В свою очередь, активация той или иной схемы может провоцировать дисфункциональное взаимодействие с другими людьми и в том числе – с авторами домашнего насилия [14].

Методы и принципы исследования

Целью работы являлось описание структурных особенностей восприятия родительского отношения и ранних дезадаптивных схем у женщин, подвергшихся домашнему насилию. Среди задач исследования также была оценка влияния восприятия родительского отношения и ранних дезадаптивных схем на копинг-поведение и коммуникативные особенности. В исследовании приняли участие 50 женщин в возрасте 25–45 лет и имеющие различный семейный статус. В группу 1 вошли 25 женщин, которые подверглись домашнему насилию со стороны партнёра, не имеющие клинических психопатологических последствий (ПТСР, в том числе осложненное, расстройство адаптации и т.п.). Группу 2 составили 25 женщин, которые не подвергались домашнему насилию со стороны партнёра. Группа женщин, имеющих опыт домашнего насилия, отбиралась по критериям присутствия в их жизни за последние 5 лет систематически повторяющегося опыта физического, сексуального насилия в совокупности с эмоциональным насилием со стороны партнера в отношениях длительностью более одного года.

Методики исследования:

- 1) опросник отраженного родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин, 2001; модификация Е. В. Романова, М. В. Галимзянова);
- 2) опросник «Диагностика ранних дезадаптивных схем» (YSQ-S3R, Дж. Янг, адаптация П. М. Касьяник, Е. В. Романова, 2013);
- 3) методика для психологической диагностики копинг-механизмов (Э. Хайм, адаптация Л. И. Вассерман, 2003);
- 4) опросник «Диагностика уровня субъективного контроля» (Дж. Роттер, адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Гольнкиной, А. М. Эткинда, 1984).

Группа 1 набиралась очно среди женщин, обратившихся за психологической помощью по поводу проблем в отношениях с партнером. Набор группы 2 проводился с помощью применения интернет-технологий и дистанционного опроса респондентов в социальных сетях.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программного пакета SPSS Statistics (Vers. 23). При сравнении средних значений по группам применялся дисперсионный анализ на основе непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$. Корреляционный анализ проводился с применением критерия Спирмена.

Основные результаты

Сравнительное исследование восприятия родительского отношения в выделенных группах показало статистически значимые различия почти по всем шкалам и позволило описать паттерны данного психологического показателя у женщин-жертв домашнего насилия (таб. 1).

Таблица 1 - Показатели восприятия родительского отношения в сравниваемых группах

DOI: <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1.1>

Стиль родительского отношения	Женщины без опыта домашнего насилия (n=25)	Женщины, пережившие домашнее насилие (n=25)	Значимость различий, P
	Ср. знач., баллы		
Принятие	6,80	5,10	0,010
Кооперация	6,60	4,90	0,011
Симбиоз	5,80	4,40	0,014
Контроль	4,30	4,50	–
Инфантилизация	2,10	3,60	0,014

Примечание: жирным шрифтом выделены показатели, имеющие статистически значимые различия

Достоверные различия были обнаружены в показателях принятия, кооперации, симбиоза и инфантилизации в отношениях с родителями. Женщины, которые пережили насилие, оценивают отношение своих родителей как более эмоционально отстраненное. Родители в детстве, по их мнению, в меньшей степени стремились к совместной деятельности, доверию. Женщины данной группы отмечают эмоциональную дистанцию с родителями. Их родители чаще, по сравнению с контрольной группой, преувеличивали неудачи ребенка, воспринимали его как неспособного к достижениям. Выявленные особенности могут быть рассмотрены как паттерны игнорирования эмоциональных и коммуникативных потребностей ребенка со стороны родителей, что в свою очередь потенциально может повышать у него риск развития комплексного посттравматического расстройства (кПТСР). Также данная специфика родительского отношения является благоприятной для формирования у детей ранних дезадаптивных схем, оказывающих влияние на стресс-преодолевающее поведение, коммуникацию с другими людьми и отношение к себе [11]. Полученные нами данные согласуются с представленными ранее результатами эмпирических исследований, в которых были установлены взаимосвязи особенностей стилей воспитания, проявляющихся в детско-родительских отношениях, какими их воспринимали в детстве взрослые люди, и выраженности у них ранних дезадаптивных схем [4].

Исследование выраженности ранних дезадаптивных схем в группах сравнения также позволило описать важные различия между женщинами имеющих и не имеющих опыт систематического домашнего насилия (таб. 2).

Таблица 2 - Выраженность ранних дезадаптивных схем в сравниваемых группах

DOI: <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1.2>

Ранние дезадаптивные схемы	Женщины без опыта домашнего насилия (n=25)	Женщины, пережившие домашнее насилие (n=25)	Значимость различий, P
	Ср. знач., баллы		

Эмоциональная депривированность	9,05	9,20	–
Покинутость	10,60	14,65	0,010
Недоверие / Ожидание жестокого обращения	9,80	14,00	0,001
Социальная отчужденность	9,40	16,05	0,001
Дефективность	11,15	13,30	0,001
Неуспешность	10,05	15,10	0,001
Зависимость	9,15	15,00	0,001
Уязвимость	10,65	14,90	0,001
Спутанность / Неразвитая идентичность	11,45	12,75	–
Покорность	9,75	13,85	–
Самопожертвование	10,90	11,00	–
Подавление эмоций	7,60	11,75	–
Жесткие стандарты	10,15	12,05	–
Привилегированность / Грандиозность	11,15	15,96	0,001
Недостаточный самоконтроль	14,35	14,00	–
Поиск одобрения	11,55	15,75	0,001
Негативизм / Пессимизм	10,90	15,85	0,001
Пунитивность	10,25	11,50	–

Примечание: жирным шрифтом выделены показатели, имеющие статистически значимые различия

Женщины, которые подвергались домашнему насилию, чаще по сравнению с женщинами, не имеющие подобного опыта, ощущают недоверие к другим людям, одиночество, чувство собственной неволе и дефективности, ожидают жестокое обращение от других и свою неуспешность в различных сферах жизни. Они зависят эмоционально от других людей и ищут постоянного одобрения от них на фоне выраженного пессимизма как личностной черты.

Особое внимание на себя привлекает выраженность в данной группе схемы «Привилегированность / Грандиозность». Данная схема предполагает, что человек стремится к демонстрации своего превосходства над окружающими, пытается их контролировать и подчинять, проявляет излишнюю соревновательность, отрицает собственные недостатки. Такие характеристики несколько выбиваются из группы остальных выраженных в этой группе схем и общих представлений о поведении жертвы. Но мы можем здесь предположить, что данная схема через механизм гиперкомпенсации, описанным Дж. Янгом, трансформируется в паттерн, при котором человек уделяет чрезмерное внимание потребностям других [5]. Также авторы эмпирических работ по данной теме связывают схему привилегированности с опытом систематического неудовлетворения потребности в стабильных границах и с возникновением «фортуно-фобий» – страха перед изменениями и свободой [3]. То есть инвертированной версией привилегированности может быть убежденность в собственной «предназначенности» для испытания страданий в жизни. Как будет показано дальше в корреляционном анализе, данная схема связана также с восприятием родительского отношения по типу инфантилизации. То есть привилегированность может быть рассмотрена в качестве некоторой формы выученной беспомощности: «у меня есть исключительное право ничего не менять, потому что у меня это не получится».

Применение теоретических разработок схема-ориентированного подхода позволяет определить, что ранние дезадаптивные схемы, по которым были получены статистически значимые различия, отражают наличие нарушения связи и отвержения, а также депривацию автономии и эффективности в детском опыте. Работы других авторов также подтверждали взаимосвязь депривации данных потребностей в детстве с жертвенной позицией личности [1]. Это также подтверждают ранее описанные нами результаты по оценке восприятия родительского отношения.

Вопрос соотношения ранних дезадаптивных схем и опыта насилия со стороны партнера носит дискуссионный характер и требует дополнительного изучения. Выявленные особенности ранних дезадаптивных схем могут быть фактором повышения виктимного поведения женщин и способствовать поддержанию небезопасных отношений с партнером. Но также, безусловно, и опыт насилия снижает не только физическое, но и психическое здоровье, в том числе усиливает уже сформировавшиеся схемы, заостряет их выраженность.

Далее нами было проведено исследование совладающего со стрессом (копинг-) поведения как психологического конструкта, имеющего непосредственное влияние родительского отношения и сформированных когнитивных схем (таб. 3).

Таблица 3 - Результаты исследования копинг-стратегий в сравниваемых группах

DOI: <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1.3>

Копинг-стратегий	Женщины без опыта домашнего насилия (n=25)	Женщины, пережившие домашнее насилие (n=25)	Значимость различий, Р
	Ср. знач., баллы		
Когнитивные стратегии			
Продуктивные когнитивные копинги (проблемный анализ, установка собственной ценности, сохранение самообладания)	3,60	2,10	0,043
Относительно-продуктивные когнитивные копинги (относительность, придача смысла, религиозность)	6,40	5,60	–
Непродуктивные когнитивные копинги (смирение, растерянность, диссимуляция, игнорирование)	4,30	5,20	0,010
Эмоциональные стратегии			
Продуктивные эмоциональные копинги (протест, оптимизм)	4,20	3,40	0,032
Относительно-продуктивные эмоциональные копинги (эмоциональная разрядка, пассивная кооперация)	6,70	5,90	–
Непродуктивные эмоциональные копинги (подавление эмоций, покорность, самообвинение, агрессивность)	3,70	4,80	0,032
Поведенческие стратегии			
Продуктивные поведенческие копинги (сотрудничество, обращение, альтруизм)	3,50	2,10	0,028
Относительно-продуктивные	6,90	6,50	–

поведенческие копинги (компенсация, отвлечение, конструктивная активность)			
Непродуктивные поведенческие копинги (активное избегание, отступление)	4,30	5,90	0,039

Примечание: жирным шрифтом выделены показатели, имеющие статистически значимые различия

Согласно полученным данным, женщины, пережившие домашнее насилие, статистически значимо чаще применяют непродуктивные когнитивные, эмоциональные и поведенческие копинг-стратегии. Также они реже применяют продуктивные стратегии совладающего поведения, чем женщины без опыта насилия. Таким образом, для женщин с опытом домашнего насилия характерны пассивные формы поведения с отказом от преодоления трудностей из-за неверия в свои силы и интеллектуальные ресурсы, с умышленной недооценкой неприятностей. Они подавляют свои эмоции, склонны к переживанию безнадежности, покорности, злости и возложением вины на себя и других. Также для них характерно избегание мыслей о неприятностях, пассивность, уединение, постоянный поиск покоя (даже там, где его быть не может, например, в неблагоприятных отношениях с партнером), изоляция, стремление уйти от активных интерперсональных контактов, отказ от решения проблем.

Также стоит отметить, что женщины без опыта домашнего насилия чаще прибегают к анализу возникших трудностей и возможных путей выхода из них. Их характеризует более высокая самооценка и самоконтроль, более глубокое осознание собственной ценности как личности, наличие веры в собственные ресурсы в преодолении трудных ситуаций. Им свойственно эмоциональное состояние с активным возмущением и протестом по отношению к трудностям и уверенностью в наличии выхода в любой, даже самой сложной, ситуации. Среди них чаще встречается сотрудничество со значимыми (более опытными) людьми, ищет поддержки в ближайшем социальном окружении или сама предлагает ее близким в преодолении трудностей.

Указанные особенности согласуются с ранее полученными нами результатами исследования восприятия родительского отношения и ранних дезадаптивных схем: игнорирование эмоциональных потребностей и дефицит безопасных отношений в детстве и формирующиеся на их базе ранние дезадаптивные схемы определяют неэффективные копинг-стратегии в ситуации домашнего насилия. Вместо анализа ситуации, протеста и поиска ресурсов в отношениях с партнером, проявляющим насилие, актуализируются пассивные стратегии избегания решения проблемы, подавление переживаний и изоляция [2]. В рамках схема-терапевтического подхода ранние дезадаптивные схемы, сформированные вследствие неблагоприятного детского опыта, также обуславливают активацию дезадаптивных (непродуктивных) копинговых режимов («Послушный капитулянт», «Отстранённый защитник», «Отстранённый самоутешитель», «Высокомерный самовозвеличиватель», «Агрессивный задира») [5].

В данном контексте может быть применена дезадапционная модель для концептуализации виктимного поведения женщин-жертв домашнего насилия. В рамках данной модели негативное воздействие среды (в т.ч. являющейся источником насилия) способствует выработке контрпродуктивных форм поведения и снижает адаптационный потенциал личности [8].

Дальнейшее исследование направленности локуса субъективного контроля в сравниваемых группах продолжило общую логику выявляемых паттернов (таб. 4).

Таблица 4 - Показатели интернальности личности в сравниваемых группах

DOI: <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1.4>

Показатели интернальности личности	Женщины без опыта домашнего насилия (n=25)	Женщины, пережившие домашнее насилие (n=25)	Значимость различий, P
	Ср. знач., баллы		
Уровень общей интернальности	16,65	11,76	0,001
Уровень интернальности достижений	8,30	5,73	0,001
Уровень интернальности неудач	8,30	4,53	0,001

Уровень интернальности производственных отношений	8,40	5,00	0,001
Уровень интернальности межличностных отношений	8,50	5,70	0,001

Примечание: жирным шрифтом выделены показатели, имеющие статистически значимые различия

Женщины, подвергшиеся домашнему насилию, склонны считать, что они не способны контролировать собственную жизнь, они зависят от действий других людей и обстоятельств. В качестве причин своих успехов и неудач они рассматривают действия других людей и внешние обстоятельства. В целом прослеживается паттерн экстернальности в данной группе, который многими авторами рассматривается как фактор риска дезадаптивного поведения и снижения психологической гибкости. В отношениях с партнером такой паттерн может проявляться в подчиняемости решениям другого, игнорировании собственных ресурсов и преуменьшении роли своих возможностей в решении сложившихся трудных ситуаций, в том числе и ситуации насилия.

Полученные данные соответствуют результатам исследований других авторов, в которых также прослеживалась связь между экстернальным локусом контроля и ранними дезадаптивными схемами уязвимости и социальной отчужденности [7]. Данные схемы наряду с экстернальным локусом контроля характерны для женщин, имеющих опыт домашнего насилия.

Результаты проведенного корреляционного анализа между изучаемыми параметрами подтверждают данные сравнительного анализа показателей между группами и указывают на имеющиеся связи. Все установленные связи имели средний уровень силы ($r=0,450-0,600$) и были статистически значимыми ($p \leq 0,049$), что может говорить не о причинно-следственных связях, но о тенденциях влияния между изучаемыми параметрами (рис. 1).

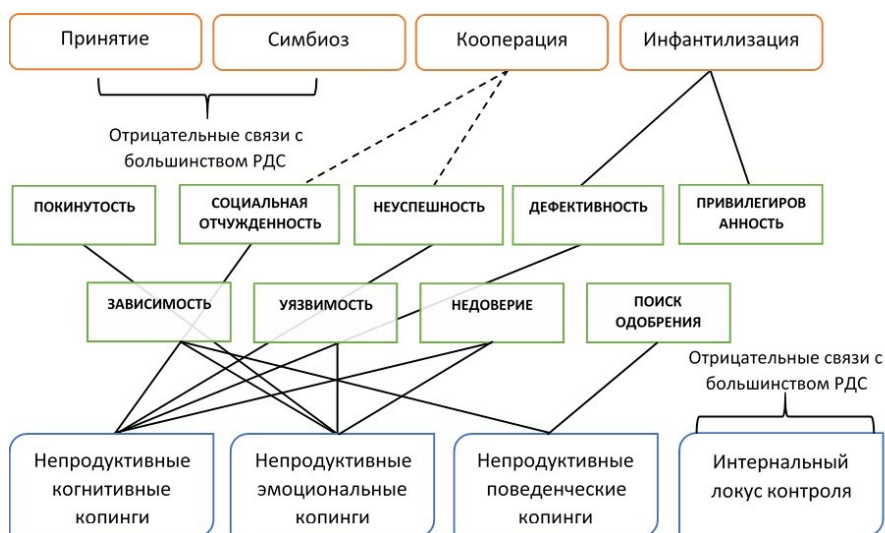

Рисунок 1 - Корреляционные связи между изучаемыми параметрами в группе женщин, подвергшихся домашнему насилию

DOI: <https://doi.org/10.60797/PSY.2024.4.1.5>

Примечание: прямые линии – положительная (прямая) корреляционная связь, пунктирные линии – отрицательная (обратная) корреляционная связь

Восприятие родительского отношения по типу принятия и симбиоза имели отрицательные корреляционные связи с большинством ранних дезадаптивных схем, характерных для женщин имеющих опыт домашнего насилия (покинутость, социальная отчужденность, неуспешность, дефективность, привилегированность, зависимость, уязвимость, недоверие, поиск одобрения). Кооперация как стиль воспитания отрицательно коррелировала с социальной отчужденностью и неуспешностью. И только восприятие родительского отношения как инфантилизирующего положительно коррелировало со схемами дефективности и привилегированности.

Общая интернализированность личности также имела отрицательные корреляционные связи с большинством ранних дезадаптивных схем. А непродуктивные копинг-стратегии в свою очередь положительно коррелировали с ними.

Заключение

Результаты представленного исследования не претендуют на полноту объяснения сложных и комплексных связей между неблагополучным детским опытом, формированием ранних дезадаптивных схем и наличием опыта домашнего насилия у женщин. Однако на их основе могут быть сделаны важные выводы и предположения для последующих работ в данной области.

Было установлено, что восприятие родительского отношения женщинами, пережившими домашнее насилие со стороны партнера, носит неблагоприятный характер. На первый план выступают не столько проявление негативных стилей воспитания, сколько дефицит позитивных – родители «не добавляют» тепла и внимания детям, не делая что-то намеренно негативное в их адрес. И этого уже может быть достаточно для формирования ригидных установок и схем в будущем. При этом важно обратить внимание, что мы здесь говорим не об установленных фактах неглекта со стороны родителей, а о субъективном восприятии своего опыта отношений с родителями в детстве. Данное восприятие отчасти может быть искажено через призму уже функционирующих дезадаптивных схем, например, приобретенных в ходе длительных травмирующих отношений с партнером, проявляющим насилие. Это значимое замечание, которое требует дополнительного рассмотрения и изучения.

Связь ранних дезадаптивных схем с непродуктивным копинг-поведением и внешним локусом контроля представляется более однозначной и является достаточно изученной в качестве причин многих других психологических проблем и нарушений. Однако в будущих исследованиях и в практической работе с участием женщин-жертв домашнего насилия важно определить какие именно стратегии они чаще применяют в стрессовых и сложных ситуациях и какие частные установки обуславливают их экстернальность контроля.

Обобщая представленные данные, можно предположить, что дефицит позитивных отношений и выраженность инфантилизации со стороны родителей в детском опыте повышают вероятность развития ранних дезадаптивных схем, которые в свою очередь, обуславливают непродуктивные копинг-стратегии и экстернальный локус контроля. Взаимосвязь этих сложных психологических конструктов может обуславливать дезадаптивные формы поведения, в том числе повышать виктимность женщин и препятствовать их выходу из деструктивных отношений с партнером, проявляющим насилие.

Данная работа расширяет представления о механизмах формирования виктимного поведения в рамках проблемы домашнего насилия. Полученные результаты могут быть использованы для психодиагностической и психокоррекционной работы по профилактике домашнего насилия и психологической реабилитации пострадавших от него. Однако необходимо также направить внимание исследований и на ключевых фигур в данной проблеме – авторов домашнего насилия. Предложенная в данной работе схема и логика исследования также может быть применена к тем людям, которые проявляют насилие в отношениях с партнером, и помогут описать механизмы формирования такого дезадаптивного и опасного поведения.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Анцибор Л. Жертвенная позиция личности: взаимосвязь с доменами ранних дезадаптивных схем у взрослых / Л. Анцибор, А. Коврова // *Psihologie, revista științifico-practică*. — 2023. — № 2(43). — С. 32–44. — DOI: 10.46728/pspj.2023.v43.i2.p32-44
2. Емельянова А. Б. Структура ранних дезадаптивных схем студентов с церебральным параличом и условно здоровых студентов / А. Б. Емельянова, В. М. Ялтонский // *Актуальные вопросы медицинской науки*. — 2023. — № 1. — С. 134–135.
3. Карауш И. С. Ранние дезадаптивные схемы как модераторы стресса и формирующейся психической патологии / И. С. Карауш, И. Е. Куприянова // *Сибирский психологический журнал*. — 2022. — № 83. — С. 122–140.
4. Касьяник П. М. Взаимосвязь стилей воспитания и ранних дезадаптивных схем / П. М. Касьяник, М. В. Галимзянова, Е. В. Романова и др. // *Прикладная юридическая психология*. — 2017. — № 3. — С. 83–93.
5. Касьяник П. М. Диагностика ранних дезадаптивных схем / П. М. Касьяник, Е. В. Романова. — СПб : Издательство Политехнического университета, 2013. — 120 с.
6. Киселев В. С. Виктимное поведение жертв домашнего насилия / В. С. Киселев, Д. Д. Хомлюк // *Молодой ученый*. — 2019. — № 28(266). — С. 126–128.
7. Леднева Т. С. Связь локуса контроля с ранними дезадаптивными схемами у людей с высоким уровнем тревожности / Т. С. Леднева, В. С. Чернявская // *Концепт*. — 2024. — № 2. — С. 236–241. — DOI: 10.24412/2304-120X-2024-12004
8. Процко Л. А. Ранние дезадаптивные схемы в генезе виктимного поведения подростков / Л. А. Процко // *Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 12 апр. 2023 г.* — Минск : Белорусский государственный педагогический университет, 2023. — С. 260–266.

9. Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика / С. Я. Саламова // Lex Russica. — 2018. — № 9(142). — С. 129–138.
10. Сирота Н. А. Клиническая психология лечебного процесса / Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, И. Н. Абросимов и др. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2023. — 400 с.
11. Сирота Н. А. Психодиагностика эмоциональных схем: результаты апробации русскоязычной краткой версии шкалы эмоциональных схем Р. Лихи / Н. А. Сирота, Д. В. Московченко, В. М. Ялтонский и др. // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. — 2016. — № 1. — С. 76–83.
12. Фресвейк М. В. Руководство по схематерапии: теория, исследования и практика / М. В. Фресвейк, Дж. Броерсен, М. Надорт. — Москва : Научный мир, 2022. — 744 с.
13. Харитоновна Н. К. Депрессии у женщин-жертв домашнего насилия / Н. К. Харитоновна, М. А. Качаева, Б. А. Казаковцев и др. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2019. — № 1. — С. 34–38. — DOI: 10.17116/jnevro20191191234
14. May T. Adolescent maladaptive schemas and childhood abuse and neglect: A systematic review and meta-analysis / T. May, R. Younan, P. D. Pilkington // Clinical Psychology & Psychotherapy. — 2022. — № 29(4). — P. 1159–1171. — DOI: 10.1002/cpp.2712
15. Pilkington P. D. Adverse childhood experiences and early maladaptive schemas in adulthood: A systematic review and meta-analysis / P. D. Pilkington, A. Bishop, R. Younan // Clinical psychology & psychotherapy. — 2021. — № 28(3). — P. 569–584. — DOI: 10.1002/cpp.2533

Список литературы на английском языке / References in English

1. Antsibor L. Zhertvennaja pozitsija lichnosti: vzaimosvjaz' s domenami rannih dezadaptivnyh shem u vzroslyh [Victim position of personality: correlations with early maladaptive schemas domains in adults] / L. Antsibor, A. Kovrova // Psihologie, revista stiintifico-practică [Psychology, scientific-practical Journal]. — 2023. — № 2(43). — P. 32–44. — DOI: 10.46728/pspj.2023.v43.i2.p32-44 [in Russian]
2. Emel'janova A. B. Struktura rannih dezadaptivnyh shem studentov s tserebral'nym paralichom i uslovno zdorovyh studentov [The structure of early maladaptive schemas of students with cerebral palsy and conditionally healthy students] / A. B. Emel'janova, V. M. Jaltonskij // Aktual'nye voprosy medicinskoj nauki [Current issues in medical science]. — 2023. — № 1. — P. 134–135. [in Russian]
3. Karaush I. S. Rannie dezadaptivnye shemy kak moderatory stressa i formirujushejsja psihicheskoj patologii [Early maladaptive schemas as stress and emerging mental pathology “moderators”] / I. S. Karaush, I. E. Kuprijanova // Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian journal of psychology]. — 2022. — № 83. — P. 122–140. [in Russian]
4. Kas'janik P. M. Vzaimosvjaz' stilej vospitaniya i rannih dezadaptivnyh shem [The relationship between parenting styles and early maladaptive patterns] / P. M. Kas'janik, M. V. Galimzjanova, E. V. Romanova et al. // Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology]. — 2017. — № 3. — P. 83–93. [in Russian]
5. Kas'janik P. M. Diagnostika rannih dezadaptivnyh shem [Diagnosis of early maladaptive schemas] / P. M. Kas'janik, E. V. Romanova. — SPb : Publishing house of Politech university, 2013. — 120 p. [in Russian]
6. Kiselev V. S. Viktimnoe povedenie zhertv domashnego nasiliya [Victim behavior of victims of domestic violence] / V. S. Kiselev, D. D. Homljuk // Molodoy uchenyj [Young scientist]. — 2019. — № 28(266). — P. 126–128. [in Russian]
7. Ledneva T. S. Svjaz' lokusa kontrolja s rannimi dezadaptivnymi shemami u ljudej s vysokim urovnem trevozhnosti [The connection of the locus of control with early maladaptive schemes in people with high levels of anxiety] / T. S. Ledneva, V. S. Chernjavskaja // Koncept [Concept]. — 2024. — № 2. — P. 236–241. — DOI: 10.24412/2304-120X-2024-12004 [in Russian]
8. Protsko L. A. Rannie dezadaptivnye shemy v geneze viktimnogo povedenija podrostkov [Early maladaptive schemas in the genesis of victim behavior of adolescents] / L. A. Protsko // Uslovija uspešnoj socializacii detej i molodezhi: perspektivnye issledovanija budushhih pedagogov-psihologov, social'nyh pedagogov i social'nyh rabotnikov [Conditions for the successful socialization of children and youth: prospective studies of future educational psychologists, social educators and social workers] : materials of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, April 12. 2023. — Minsk : Belorusskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2023. — P. 260–266. [in Russian]
9. Salamova S. Ja. Domashnee nasilie v sovremennoj Rossii: obščaja harakteristika [Domestic violence in modern Russia: general characteristics] / S. Ja. Salamova // Russian law. — 2018. — № 9(142). — P. 129–138. [in Russian]
10. Sirota N. A. Klinicheskaja psihologija lečebnogo protsesssa [Clinical psychology of the treatment process] / N. A. Sirota, V. M. Jaltonskij, I. N. Abrosimov et al. — Moscow : GEOTAR-Media, 2023. — 400 p. [in Russian]
11. Sirota N. A. Psihodiagnostika emotsional'nyh shem: rezul'taty aprobatsii russkojazyčnoj kratkoj versii shkaly emotsional'nyh shem R. Lihi [Psychodiagnostics of emotional schemas: the results of transcultural adaptation and assessment of psychometric properties of Russian Version of Leahy Emotional Schema Scale II (LESS II_RUS)] / N. A. Sirota, D. V. Moskovchenko, V. M. Jaltonskij et al. // Obozrenie psichiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Behtereva [V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology]. — 2016. — № 1. — P. 76–83. [in Russian]
12. Fresvejck M. V. Rukovodstvo po shematapii: teorija, issledovanija i praktika [Guide to schema therapy: theory, research and practice] / M. V. Fresvejck, Dzh. Broersen, M. Nadort. — Moscow : Nauchnyj mir, 2022. — 744 p. [in Russian]
13. Haritonova N. K. Depressii u zhenschin-zhertv domashnego nasiliya [Depression in women victims of domestic violence (forensic psychiatry aspects)] / N. K. Haritonova, M. A. Kachaeva, B. A. Kazakovtsev et al. // Zhurnal neurologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]. — 2019. — № 1. — P. 34–38. — DOI: 10.17116/jnevro20191191234 [in Russian]
14. May T. Adolescent maladaptive schemas and childhood abuse and neglect: A systematic review and meta-analysis / T. May, R. Younan, P. D. Pilkington // Clinical Psychology & Psychotherapy. — 2022. — № 29(4). — P. 1159–1171. — DOI: 10.1002/cpp.2712

15. Pilkington P. D. Adverse childhood experiences and early maladaptive schemas in adulthood: A systematic review and meta-analysis / P. D. Pilkington, A. Bishop, R. Younan // *Clinical psychology & psychotherapy*. — 2021. — № 28(3). — P. 569–584. — DOI: 10.1002/cpp.2533